

Татьяна Пашкова

ИЗ ДНЕВНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ГИМНАЗИСТА НИКОЛАЯ АРЕПЬЕВА (ФЕВРАЛЬ 1905 Г.)

Публикация представляет собой комментированное издание фрагментов дневника за февраль 1905 г. ученика седьмого класса Третьей Санкт-Петербургской гимназии Николая Арепьева. В приведенных отрывках идет речь о событиях начального этапа так называемой «школьной революции». Текст дневника позволяет почувствовать школьную атмосферу тех дней, когда на глазах рушились привычные дисциплинарные порядки и возникали принципиально новые формы поведения учеников: чтение и обсуждение прокламаций, сходки на переменах и после уроков с вынесением резолюций, вольные разговоры с учителями и администрацией и т. д. Николай Арепьев, судя по тональности его записей и некоторым оговоркам, не принадлежал к числу активных участников школьной революции. Однако и он оказался эмоционально захвачен происходившими в гимназии событиями. Его дневник, скорее всего, не предназначался для показа посторонним лицам. В записях весьма хаотично расставлены знаки препинания, присутствуют многочисленные орфографические ошибки. Публикация осуществляется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: дневник подростка, гимназист, революционные настроения в гимназии, русская гимназия, рецепция революционных событий подростком.

Предлагаемые вниманию читателей фрагменты дневника за февраль 1905 г. принадлежат перу ученика VII класса Третьей Петербургской гимназии Николая Арепьева¹, сына преподавателя географии Николая Федоровича Арепьева². Рукопись дневника хранится в фонде С. А. Митурич Отдела рукописей Российской национальной библиотеки³.

Для публикации были отобраны отрывки, в которых идет речь о событиях начального этапа «школьной революции», как ее называли современники. Этот текст, в отличие от официальных документов (отчетов директоров гимназий и реальных училищ, полицейских донесений и т. д.) позволяет посмотреть на школьный бунт

«изнутри», глазами его непосредственных участников, пережить вместе с ними эмоциональный подъем и страх перед возможными наказаниями, неслыханно вольное поведение на переменах и уроках, скуку опостылевших занятий, почувствовать принципиальную новизну происходящего и монотонность школьной рутины.

Исторический контекст событий, о которых пишет в своем дневнике Н. Арепьев, состоял в следующем: 9 января 1905 г. стало мощным катализатором роста протестных настроений учеников столичных средних учебных заведений. Они впервые начали прибегать к открытым коллективным действиям против школьной администрации и даже произносить крамольные речи в адрес представителей власти. В листовках и прокламациях, ходивших по многим школам, выдвигались требования об изменении программ гимназий, отмене внеклассного надзора за учениками, унижительных физических наказаний, контроля над религиозными обязанностями и т. д.

Требования носили преимущественно академический, а не политический характер. Тем не менее, вопиющее нарушение подростками и юношами школьных дисциплинарных порядков на первых порах повергло педагогов и родителей в состояние растерянности. 4 февраля попечитель Санкт-Петербургского округа выпустил циркуляр, в котором предписывал

...в случае замечаемого среди учащихся того или другого класса возбужденного настроения, внимательно разбирать ближайшие поводы к возбуждению, устранять все то, что может влиять волнующим образом и в дружеской беседе указывать и разъяснять учащимся их долг [Введенская гимназия, 4–4 об.].

Учителям рекомендовалось не прибегать «к мерам строгости» прежде, чем будут исчерпаны все иные способы воздействия, основанные на «нравственном авторитете руководителей школы и наставников». Кроме того, предполагалось искать союзника и опору в семье, для чего следовало извещать родителей о настроениях детей, как можно чаще приглашать их в учебное заведение для беседы, «чуждой всякой официальности, с полной свободой для каждого высказывать свои мнения и пожелания» [Пашкова 2011а, 47].

В Третьей гимназии, где учился Н. Арепьев, события разворачивались таким образом. Утром 10 января, направляясь на занятия, проходя по улицам и через двор дома № 32 по Гагаринской улице, ученики «позволяли себе задевать чинов полиции и жандармов, называя их братоубийцами и другими словами». Пристав первого участка Литейной части утверждал, что от юнцов были слышны

разного рода угрозы «вроде того, что соберутся с ножами и дадут себя знать». Реакция начальства гимназии была незамедлительной и вполне предсказуемой. 11 января гимназистам запретили появляться в проходном дворе. В ближайšie от школы места были командированы помощники классных наставников (должностные лица, на которых в начале XX в. был возложен контроль за внеклассным поведением учеников) с предписанием наблюдать, в каком порядке молодежь расходится после уроков по домам. С середины января, в связи с появлением в некоторых учебных заведениях нелегальных изданий и прокламаций, призывавших к забастовке, на всех входах в Третью гимназию было усилено наблюдение, чтобы внутрь не могли проникнуть посторонние лица [Пашкова 2011б, Пашкова 2011в]. В швейцарской, выходящей на Гагаринскую улицу, безотлучно дежурили швейцар и его помощник, люди «вполне надежные, знающие каждого ученика». Им было велено строго следить за проходящими и обо всем «выделяющемся» немедленно докладывать начальству [О нарушениях, 5 об.]. Однако эти меры оказались неэффективными. Как явствует из дневниковых записей Н. Арепьева, в первые дни февраля 1905 г. количество прокламаций, ходивших по рукам учеников, увеличивалось в геометрической прогрессии. Стало быть, приносили их в классы не посторонние «агитаторы», а сами гимназисты.

По сведениям департамента полиции, под воздействием студенческих выступлений и слухов о забастовках в варшавских гимназиях в среде петербургских школьников

...началось волнение и возникла мысль также устроить забастовку и предъявить учебному начальству требования о допущении в университет лиц, окончивших курс реальных училищ, полной отмене преподавания древних языков и разрешения всем воспитанникам... посещать читальный зал Публичной библиотеки [О нарушениях, 1].

Общая забастовка была запланирована на 4 февраля, но по разным причинам, в том числе из-за отсутствия координации действий, так и не состоялась. Наиболее «возбужденно» вели себя в этот день старшеклассники Восьмой и Введенской гимназий, обращавшиеся к директорам своих школ с просьбами разрешить им сходку или обсудить с ними разные слухи [О нарушениях, 6 об.–7].

На следующий день, 5 февраля, серьезный инцидент произошел во Введенской гимназии. Внутри пробрался агитатор в форме ученика частной гимназии Я. Г. Гуревича и держал крамольную речь перед старшеклассниками с целью «снятия» их с уроков [Пашкова 2011в, 101–102]. В соответствии с некоторыми данными, эта акция

была предпринята Северным Союзом учеников средне-учебных заведений. История этой организации еще нуждается в беспристрастном изучении. Предварительно можно отметить, что среди ее членов значились и воспитанники Третьей гимназии. Двое из них, Владимир Фегединг и Дмитрий Наранович, в числе прочих были арестованы полицией еще в январе 1904 г. и исключены из учебного заведения [Дело об исключении, 8; Третья С.-Петербургская гимназия, 2].

На протяжении 5–11 февраля учебное начальство зафиксировало несколько попыток химических обструкций (ученики разливали в классах или в коридорах невыносимо вонючие жидкости из-за чего приходилось отменять занятия и проветривать помещения) и порчи казенного имущества: в той же Введенской гимназии, в Первом реальном училище и в гимназии Императорского Человеколюбивого общества [О нарушениях, 7, 7 об., 8, 9; Введенская гимназия, 7 об., 8 об.]. На этом фоне положение в Третьей гимназии выглядело еще более-менее благополучным: подпольная сходка в туалете, вольные разговоры с инспектором, препирательство с учителями, ребяческие шалости и т. д. Симптоматично, что споры, которые велись в ученической среде о том, какая из школ является самой «революционной», были вызваны в значительной степени отсутствием объективной информации на эту тему.

В целом сведения Н. Арепьева подтверждают и в то же время дополняют официальную сводку, представленную попечителем округа министру народного просвещения 11 февраля. О Третьей гимназии там было сказано следующее:

В последние дни у учеников 3-й гимназии замечалось более приподнятое настроение, чем в прежнее время; выражалось это большим шумом. Ученики VIIIа класса обращались к инспектору с просьбой говорить с ними по поводу некоторых текущих вопросов. На другой день директор со своей стороны говорил с учениками, бывая в классе, разъясняя им, как они должны держать себя. До последнего дня занятия в 3-й гимназии шли нормально. Старшие ученики, как в отдельности, так и целыми классами, выражали, что они не поддадутся никаким соблазнам и крайностям. Иногда, впрочем, были обращения к инспектору разрешить ученикам собираться напр. двумя классами (основным параллельным 7) побеседовать, но это было отклонено. Доходили до директора слухи чрез преподавателя, имеющего сына в VI классе [возможно, что речь идет либо о брате Николая Арепьева Андрее, либо о сыне учителя древних языков С. О. Цыбульского Степане — прим. Т. П.], что у учеников идет разговор, «обратиться с петицией» к директору, собрать родителей. На это директором дано было кому следует

понять, что он всегда готов беседовать с родителями, если они сами обратятся к нему (об этом и ранее говорил он с учениками старших классов), но необходимо помнить учащимся, что обращение к директору «с петицией» (подчеркивание в оригинале — *Т. П.*) будет незаконно и со стороны учеников не будет иметь никакого оправдания. На этом пока дело и остановилось [О нарушениях, 5–5об].

Николай Арепьев, судя по тональности его записей и некоторым оговоркам («мы играем в студентов»), не принадлежал к числу активных участников школьной революции. Похоже, что его на данном этапе больше интересовало, кто сколько выиграл в азартной игре на деньги, чем содержание ученических прокламаций. Однако и он оказался эмоционально захвачен происходившими в гимназии событиями.

Дневник Н. Арепьева, скорее всего, не предназначался для показа посторонним лицам. В записях весьма хаотично расставлены знаки препинания, присутствуют многочисленные орфографические ошибки. Публикация осуществляется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. На л. 3 и л. 11 имеются две схемы. На первой автор воспроизвел расположение учеников во время сходки в ватерклозете 4 февраля и подписал фамилии участников, на второй изобразил «Камчатку», указав, кто на какой парте сидел в его классе. По техническим причинам эти схемы не приводятся. Звездочками отмечены сноски, которые сделал сам Н. Арепьев.

Л. 2

4.02. Пятница

Начинаю после долгого перерыва. Последние дни в гимназии — исторические дни, дни, дни. Мы играем в студентов. По рукам ходят прокламации. Во вторник была одна — 16 или 15 пунктов, вторая — сегодня. Во второй стоит только требование разойтись и забастовать 4-го февраля. К несчастью, организаторы запоздали: она пришла сама-то 4-го числа. На 2-й перемене, даже на 1-й, я видал. Хотел получить насовсем, но не давали. Я взял у Белинского. Он после некоторого колебания отдал ее мне, да, впрочем, она и не его была, а Инихова. В классе только и разговору, что об этом. После франц[узского] урока все, погода немного, пошли в клуб — ватер[клозет].

Л. 3

Я пошел тоже. Там оказалось уже много народу. Протолкавшись поближе, я стал осматриваться. В папиросном дыму с трудом различил Студентского — нашего агитатора. Он подождал немного, будучи мал ростом, влез на рундук и начал говорить. Говорил, по своему обыкновению отчеканивая⁴ слова. Говорил, что вот пришла бумага, которая требует, видя, что никто не послушался 16-ти пунктов, роспуска или

Л. 4

забастовки. Студентский старательно выяснял причины положения и могущие быть последствия, говорил что в Царскосельской гимн[азии] ученики стали требовать, их не послушали, тогда они объявили забастовку. Анненский, их директор⁵, тогда разрешил совещание учеников с родителями. Оно состоялось вечером 2-го или 1-го, а 3-го или 2-го было совещание родителей с педагогами, и все пришли к мысли, что надо на некоторое время прекратить занятия. Когда он кончил, да, он еще читал письмо какого-то студента, подписавшегося бывшим учеником 1-й гимназии, в котором тот, вероятно, с громадным количеством⁶ восклицательных знаков, завывая, выяснял положение средней школы и как бы благословлял на дальнейшие беспорядки, т.е. на обструкцию, чтобы обратить на себя внимание общества и таким образом

Л. 5

стать под его защиту против «чиновников-канцеляристов и еще каких-то и каких-то» педагогов. Ему возражали Лебедев, Унковский — говорил, что он не ожидает от всего этого ничего хорошего, т.к. «неужели вы хотите, чтобы VIII-е классы раскассировали бы по провинциальным гимназиям для держания экзаменов, а VII, и еще кто там будет, оставили бы на 2-й год». Ему отвечал Студентский, потом внезапно заговорил откуда-то издалека Усачев, говоря, что нас, 3-ю гимназию, зовут бастовать, тогда как, напр[имер], в 12-й, как он слышал от ученика VII кл., не знают ни о каких прокламациях и т. д. Поэтому он просил сказать, что тут делать. С[тудентски]й отвечал, что, действительно, тут есть затруднение и именно в том смысле, что одни гимназии надежны,

Л. 6

другие — менее, как 12, 5, 8 (и еще может быть, да не помню)*, а в 1-й каж[ется], 6 и др. положение хорошее. Тут перервал его Перетерский,

*Наша в числе худших, а 1-я лучшая, а напр[имер], папе говорил преподаватель 1-й гимн[азии] вчера, что у них ничего, а все указывают как на самую «красную» — на Третью...

говоря, что надо говорить «факты, а не хорошее — худое». Тот на все отвечал, еще пошумели, завопили «Дюков»⁷ и ушли, хотя все-таки спустя, т.ч. не от Дюкова, а С[тудентски]й закрыл сходку, когда около ½ состава ушло из-за Дюкова. На большой перемене была опять сходка, но я не был, т.к. ходил домой завтракать, а прокламацию передал папе. Их у нас в классе было довольно много у Инихова, Демешки, Ермолая (2), потом кому-то отдал, Белинского, Шавловского, Шапина, Руденки (кажется), Зельманова (каж[ется]) и еще кой у кого. На греке говорили об этом с греком⁸. Он сказал несколько слов. На физике тот⁹ говорил 2/3 урока,

Л. 7

но задал дальше. Говорил, что все это ребячество. У него спрашивали знакомые: «А приготовительный класс забастовал?» С ним говорили¹⁰, Левестам, Ермолаев, Шавловский. Тот второй раз начал так: «Я все-таки вот понимаю физику и могу сказать, что знаю ее больше и понимаю лучше многих, но...», но тут его посадили — заткнись, рассыпья, примолкни и т. д. На латыни отказались отвечать на баллы. Тот¹¹ принял это, но потом, когда Лэмпицкий, Полунин, (подчеркивание в оригинале — Т. П.) Сипович, Шавловский и т. д. отвечали, (подчеркнутые) отвечали хорошо, то он поставил хорошие баллы, говоря, что, кто больше всех кричит, тот меньше всех знает, к[ак] напр[имер], Шавловский и Шапин, т.ч. когда он кого-либо вызывал, так тот отвечал, что он много кричит и по это-

Л. 8

му признаку он усаживал. ** Во вторник¹² Демешка таинственно говорит мне: «Читал пункты?» Я говорю: «Слыхал, что говорят, но не читал». Он дал мне № 1¹³ прокламацию Северной Лиги Учащихся¹⁴ — там из нашего класса члены Шавловский, Камнев, думаю, что Демешка, Шапин, Белинский, Левестам (предлагал Коська (Шавл[овский]) мне, Ермошке и Рылову). В тот же день, вторник, VIIa передал эти пункты* * * Дюкову, сказав следующее свое мнение по этому поводу: «Вы распустите нас тогда, когда забастуют все гимназии, т.к. нам волей-неволею надо будет присоединиться к ним. Мы от вас зла не видели, но нам придется присоединиться к ним из чувства товарищества». Дюков их успокаивал и т. д. VIIIб проходящих, бывший мой, Ерм[олаев], Рыл[ов], Белин[ский], Шап[ин], Дементьев, Бахтиар[ов], Инихов, Ласси, Руденка.

** См. назад. Так в дневнике

* * * Они ходили еще в понедельник, но на всю гимназию 6 шт[ук], а теперь на наш класс на один — 15.

Л. 9

Класс этот сказал, что он осмеивает это воззвание, ни в каком случае не согласен с ним и т. д., одним словом, выразил, как говорят, «верноподданнические чувства». Говорят, что он еще заявил, что, если наша гимназия забастует, то они ни в каком случае, даже, если забастуют все гимназии, опять тоже. В довершение всего Платонов и, как говорят, Галевский указали Дюкову на Студентского как главного агитатора. За это их и честят же... В четверг должны были заявить VII-е, но не заявили, и Дюков, не дождавшись, пришел к нам на большой перемене в класс и говорил с ¼ часа. Я опоздал минут на 20, т.к. у нас захлопнулась дверь в кухню за Андреем и мы ломали ее с папой. Он тоже опоздал. Я об этом заявил Дюкову — он стоял с директором¹⁵ у дверей класса и толковал с Галкиным и еще кем-то, очевидно, депутатами VIII-а.

*Л. 10**8.02 вторник*

Были все уроки: Француз, Грек, Русский и Тригонометрия. Гимнастика, по обыкновению, отсутствовала, т.е. по прочтении молитвы все ушли. Сегодня посадили на стену принесенную Левестамом китайскую физиономию, в которую надо попадать мячом (в рот). На французе ничего — тот смеялся¹⁶, Цыбулька плакал почти, просил снять. Ему говорят:¹⁷ «Нету худого», приводили в пример Гютинэ — тот ничего. Тогда говорят: «Места нету, куда можно было бы положить». Говорят ему: «Можно ли в кафедру?» Тот говорит: «Куда угодно». Ему поднесли к кафедре, но тот взбеленился и положили куда-то назад. Потом перед русским посадили китайца на крючок под потолком, в зубы ему дали папироску и задымили ее. Дюков увидал, пришел и начал гнусавить: велел достать, послал Шапина как самого длинного достать, но у того не хватало с ¼ арш[ина]. Принесли стул, но тот не

Л. 11

мог все-таки достать. Дюков послал Туровского за лестницей со служителем. Но Лэмпицкий, который и повесил, тот и снял ее. Дюков же отобрал и, поворчав, унес с собой. Вчера на русском и физике на последней¹⁸ партах играли в карты, и вот уже второй урок Кузнецова¹⁹ — курили. Играли в двадцать одно. Играли Рылов, выигр[ал] 70 коп., Сипович выигр[ал] 80 к. Клоппенбург выигр[ал] 60 к., Камнев 3 коп. и еще, кажется, Шапин, Демешка. Проигрался один Левестам: одни говорят, около 4 рублей, а 1 рубль 10 коп. на 4-м уроке, по другим же сведениям (Левестама), он проиграл к концу пятого урока 2 р. и 20

или 30 коп. Курили и те игроки, и еще Гогель с Лэмпицким и Шавлов[ский], сидевший с Фазаном²⁰.

Л. 12

9.02 среда

<...> День прошел довольно интересно — оживленно. На 2-й 20-минутной перемене собирались учинить сходку в актовом зале, но пришел Дюков и говорит, что у него нету власти разрешить сходку, ни заставить нас прекратить ее. Проговорил всю перемену и часть 3-го урока. Мы пошли по классам. Дюков говорить начал перед 7 [классом] пансионеров, тут же приткнулись и мы, отняв еще минут 5 у француза. Кем[м]ерлинг, хотевший войти в VPa класс, был задержан нашей толпой, говорившей с Дюковым. С французом пробеседовали весь урок напропалую, затем после большой перемены. Собрались было в классе²¹, испросили у Цыбульки разрешение, именно чтобы не было его урока, но он тут учинил подлость — именно по его (по всей вероятности)²² указанию греческий переставили на

Л. 13

пятый урок, а латынь с пятого на 4-й. В нашем классе сидели и пансионеры, но Клембровский после препирательств выжил их. С ним проговорили с ½ урока или минут 20 из 50-ти, потом он вызвал Ермолку, и тот получил, ничего не ведая в уроке, 4, т.к. я дал Рылову, его соседу, списанный с ключа перевод, и по нему он подсказывал. Перед 5-м греческим остались на перемене и пребезобразно вопили, т.ч. Цыбульский не решился войти в класс, а послал (по всей вероятности) за Дюковым. Тот тотчас же явился и стал ныть, но странное дело — по сравнению, что он позволял себе раньше, — теперь это кончилось: он просил тихо-мирно. Положим, во вторник был совет и на нем среди вопросов об освобождении от платы, о поведении учеников и т. д. было решено быть как можно более снисходительными к ученикам, но все-таки. На Клембровском мы вступили в спор о положении дел вообще и в частности древних языков, тот доказывал пользу латыни

Л. 14

на заграницу и т. д., толковал о Гомере, говоря, что если читать Гомера в переводе, то не будет ни духа языка, ничего подобного, говорил, что Гомер — общепризнанный великий поэт, говорил много чего, ссылался на Шиллера, говоря, что, если читать в подлиннике и в переводе, то это две совершенно разные вещи. Ему отвечали Зилот[и], Пешек²³ говорил, что Шиллер писал на языке, на котором говорят, затем другой²⁴,

спрашивая, отвечал, что неужели мы учимся 8 лет и больше, только чтобы раз прочесть Гомера. Левестам говорил, что кроме Гомера есть еще Конфуций, Данте — и неужели учиться по-китайски и итальянски, Ласси — что вся красота Г[омера] пропадает у нас на формах, аористах и т. д., Шапин — что учим Г[омера] мы только по кусочкам, а не в целом. Поэтому Клембровского совершенно заклевали.

Л. 15

Ц[ыбульски]й пришел, но все решили молчать, но помалу вошли с ним в прения и т. д. После уроков решено было остаться; остались, помнится: Ареп[ьев], Бар[ановский], Бел[инский], Гог[ель], Дем[ентьев], Ерм[олаев], Клоп[пенбург], Лас[си], Лев[естам], Лэмп[ицкий], Никиф[оров], Пол[унин], Прось[бин], Руд[енко], Рыл[ов], Саг[айдачный], Сип[ович], Тур[овский], Хор[одзинский], Шав[ловский], Шап[ин]. Ушел Пешек да, кажется, Камнев, да не присутствовали в классе Бахтиаров, Зельман[ов], Инихов, Латонин — всего 4. Под резолюцией подписалось из 24 подписалось 24²⁵. Шапин был секретарем, резолюция составлена в том смысле, что ученики VII кл.в (подчеркивание в оригинале — *Т. П.*) присоединяются к 5 ученикам VIII кл.а (подчеркивание в оригинале — *Т. П.*) — собрание родителей с тем, чтобы им не было навязано никакой программы. Это последнее вызвало долгие споры в VIII кл. Там разделились: 5 за собрание без программы и 19 — за собр[ание] с программой.

*Список гимназистов, упоминаемых в тексте дневника*²⁶

1. Арепьев Андрей Николаевич, 1887 г.р., окончил гимназию в мае 1908 г.
2. Барановский Борис Витольдович, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1907 г.
3. Бахтиаров Анатолий Анатольевич, 1883 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.
4. Белинский Николай Владимирович, 1886 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.
5. Галевский Роман Яковлевич, 1886 г.р., окончил гимназию в мае 1905 г.
6. Гогель Константин, выбыл из гимназии в августе 1905 г.
7. Дементьев Андрей Андреевич, 1884 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.
8. Ермолаев Николай Николаевич, 1887 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

9. Зельманов Александр Михайлович, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

10. Зилоти Александр Александрович, 1887 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

11. Инихов Борис Сергеевич, 1885 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

12. Камнев Владимир, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

13. Клоппенбург Владимир Александрович, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

14. Ласси Андрей Евгеньевич, 1885 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

15. Латонин Николай, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г. с серебряной медалью.

16. Лебедев Анатолий Ильич, 1886 г.р., окончил гимназию в мае 1905 г.

17. Левестам Густав Густавович, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

18. Лэмпицкий Фаддей Юлианович, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г. с серебряной медалью.

19. Никифоров Василий Васильевич, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г. с золотой медалью.

20. Перетерский Николай Сергеевич, 1885 г.р., окончил гимназию в мае 1905 г. с золотой медалью.

21. Платонов Александр Юрьевич, 1883 г.р., окончил гимназию в мае 1905 г.

22. Полунин Павел Александрович, 1888 г., окончил гимназию в мае 1906 г. с серебряной медалью.

23. Просьбин Валериан Сергеевич, 1887 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

24. Руденко Михаил Александрович, 1887 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

25. Рылов — нет сведений.

26. Сагайдачный Евгений Яковлевич, 1886 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

27. Сипович Борис Александрович, 1887 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

28. Студентский Павел Максимилович, 1887 г.р., окончил гимназию в мае 1905 г.

29. Туровский Виктор Викентьевич, 1885 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

30. Унковский Георгий Сергеевич, 1885 г.р., окончил гимназию в мае 1905 г.

31. Усачев — нет сведений.

32. Хорозинский Бер, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г. с серебряной медалью.

33. Шавловский Константин Иванович, 1888 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

34. Щапин Борис Иванович, 1886 г.р., окончил гимназию в мае 1906 г.

Примечания

¹ Николай Николаевич Арепьев, 1886 г.р., окончил Третью СПб гимназию в мае 1906 г.

² Николай Федорович Арепьев, преподаватель географии (1881–1918), воспитатель пансиона (1858–1918)

³ ОР РНБ. Ф. 486 С. А. Митурич. Д. 173. В описи и в заголовке дела дневник датирован 1906–1910 гг., но на самом деле записи начинаются с февраля 1905 г., что следует из контекста упоминаемых событий и соотношения дат и дней недели.

⁴ Далее зачеркнуто: голос.

⁵ Иннокентий Федорович Анненский, директор Царскосельской мужской гимназии (1896–1906).

⁶ Далее зачеркнуто: спросит.

⁷ Николай Михайлович Дюков, инспектор Третьей гимназии (1903–1906).

⁸ Степан Осипович Цыбульский, преподаватель латинского и греческого языков, психологии (1903–1916).

⁹ Евгений Борисович Лопухин, преподаватель математики и физики (1901–1910).

¹⁰ Далее неразборчиво.

¹¹ Имеется в виду Владимир Маркианович Клембровский, преподаватель латыни (1903–1918).

¹² 1 февраля.

¹³ Далее зачеркнуто: программу.

¹⁴ Вероятно, речь идет о Северном Союзе.

¹⁵ Николай Александрович Козеко, директор Третьей гимназии (1898–1918)

¹⁶ Вероятно, подразумевается учитель французского языка Август Петрович Гютине (1886–1908) или Генрих Августович Гютине (1904–1911).

¹⁷ Далее зачеркнуто: ничего.

¹⁸ Далее зачеркнуто: парте.

¹⁹ Василий Николаевич Кузнецов, преподаватель русского языка и словесности (1897–1906), воспитатель при пансионе (1897–1909)

- ²⁰ Кому принадлежало прозвище, установить не удалось.
- ²¹ Далее зачеркнуто: но Дюков.
- ²² Далее зачеркнуто: желан.
- ²³ Кто имеется в виду, установить не удалось.
- ²⁴ Далее зачеркнуто: говорил.
- ²⁵ Вероятно, механическая описка.
- ²⁶ Сведения биографического характера взяты из издания: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.: историко-биографический справочник / сост.: Б. Ф. Федоров. СПб.: ВИРД, 2011. с. 63, 68, 72, 73, 76, 128, 129, 142, 159, 178, 191, 192, 205, 211, 225, 256, 257, 259, 271, 310, 336, 342, 348, 364, 376, 380, 385, 394, 412, 431, 434, 452, 467, 484, 494.

Литература

Источники

О нарушениях 1905 — О нарушениях правильности хода учебных занятий в средних учебных заведениях вызванных волнениями учащихся // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 166. Д. 810. (O narusheniyakh pravil'nosti khoda uchebnykh zanyatii v srednikh uchebnykh zavedeniyakh vyzvannykh volneniyami uchashchikhsya // Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 733. Op. 166. D. 810.)

Введенская гимназия 1905 — Введенская С.-Петербургская гимназия. Сведения о преподавателях и учениках и список лиц получивших аттестаты зрелости в 1905 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 10,272. (Vvedenskaya S.-Peterburgskaya gimnaziya. Svedeniya o prepodavatelyakh i uchenikakh i spisok lits poluchivshikh attestaty zrelosti v 1905 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (TsGIA SPb). F. 139. Op. 1. D. 10,272.)

Дело об исключении 1904 — Дело об исключении из гимназии политически неблагонадежных учеников 7-го класса Нарановича Дмитрия и Фегединга Владимира (предписания, донесения, списки политически неблагонадежных учеников и преподавателей, прошения о выдаче документов, свидетельства) // ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 5859. (Delo ob isklyuchenii iz gimnazii politicheski neblagonadezhnykh uchenikov 7-go klassa Naranovicha Dmitriya i Fegedinga Vladimira (predpisaniya, doneseniya, spiski politicheski neblagonadezhnykh uchenikov i prepodavatelei, prosheniya o vydache dokumentov, svidetel'stva) // TsGIA SPb. F. 439. Op. 1. D. 5859.)

О «беспорядках» 1905 — О «беспорядках» в С.-Петербурге 9 и 10 января 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10,234. (O «besporyadkakh» v S.-Peterburge 9 i 10 yanvaryaya 1905 g. // TsGIA SPb. F. 139. Op. 1. D. 10,234.)

Третья С.-Петербургская гимназия 1904 — Третья С.-Петербургская гимназия. Переписка и сведения о преподавателях и учениках и список лиц, по-

лучивших аттестаты зрелости в 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9991. (Tret'ya S.-Peterburgskaya gimnaziya. Perepiska i svedeniya o prepodavatelyakh i uchenikakh i spisok lits, poluchivshikh attestaty zrelosti v 1904 g. // TsGIA SPb. F. 139. Op. 1. D. 9991.)

Исследования

Пашкова 2011а — Пашкова Т. И. «Здесь нужна бескорыстная любовь и гнетущая душевная боль отцов и матерей за благо и лучшее будущее своих детей» (к вопросу о возникновении родительских организаций в петербургских гимназиях) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 3. С. 44–57. (Pashkova T. I. «Zdes' nuzhna beskorystnaya lyubov' i gnetushchaya dushevnyaya bol' ottsov i materei za blago i luchshee budushchee svoikh detei» (k voprosu o vozniknovenii roditel'skikh organizatsii v peterburgskikh gimnaziakh) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2011. № 3. S. 44–57.)

Пашкова 2011б — Пашкова Т. И. «Смерть бюрократизму!» Петербургские гимназисты о школьной реформе // Родина. 2011. № 12. С. 137–139. (Pashkova T. I. «Smert' byurokratizmu!» Peterburgskie gimnazisty o shkol'noi reforme // Rodina. 2011. № 12. S. 137–139.)

Пашкова 2011в — Пашкова Т. И. Учащиеся средних учебных заведений Петербурга в первые месяцы революции 1905 г. // Политическая история России века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. научных трудов / ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. С. 93–104. (Pashkova T. I. Uchashchiesya srednikh uchebnykh zavedenii Peterburga v pervye mesyatsy revolyutsii 1905 g. // Politicheskaya istoriya Rossii veka. K 80-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva: sb. nauchnykh trudov / red.-sost. B. D. Gal'perina, A. B. Nikolaev. SPb., Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. 2011. S. 93–104.)

Tatjana Pashkova

Herzen State Pedagogical University of Russia

FROM THE DIARY OF THE PETERSBURG SCHOOLBOY NIKOLAI AREPIEV (FEBRUARY 1905)

This publication represents a commentary on selected fragments from the diary kept by the seventh grader, the pupil of the Third St. Petersburg Gymnasium, Nikolai Arepiev. The entries reflected the events of the month of February, 1905. The passages discussed refer to the initial stage of the so-called “school revolution”. The text of the diary allows its readers to emerge into the school atmosphere of those days when habitual disciplinary procedures collapsed and fundamentally new forms of school children’s

behavior were emerging, such as reading and discussing political proclamations, organized and spontaneous meetings during recess as well as after school, passing resolutions, free engagements in disputes with teachers and administration, etc. According to the ton of his notes and some reservations expressed through the entries, Nikolay Arepiev was not one of the active participants of the “school revolution”. However, he was emotionally captivated by the events that took place in his gymnasium. His diary was not intended to become public domain and be on display, therefore his private records demonstrate constant deviation from spelling and grammar rules. Current publication is carried out in accordance with modern rules of spelling and punctuation.

Keywords: Gymnasium, school revolution, meeting, proclamation